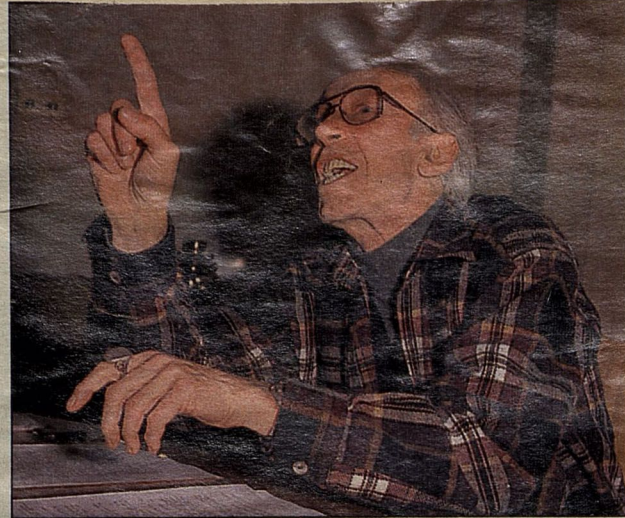
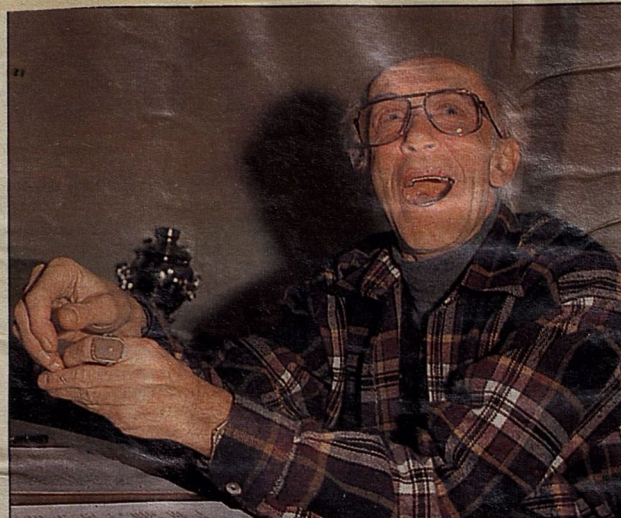

15.1.96.

Никулин Валентин

Сессия 9 дней - 1996. - 15 янв (ш3) - с 3

“Валька, ты не меняешься!”

Пять лет назад Валентин Никулин получил звание народного артиста России. А через полгода вдруг уехал из страны. Насовсем. Без шума, без скандала. Некоторые даже считали, что он умер...

Декабрь 1995 года. Москва. После питерских гастролей, где были показаны “Чествование” и “Бах и Гендель”, театр “Антреприза” Михаила Козакова репетирует в Доме актера пьесу Ноэля Коварда “Невероятный сеанс”. В марте, после премьерных спектаклей в Израиле, она будет показана московской публике.

Кроме “израильтян” Михаила Козакова, Валентина Никулина, Людмилы Хмельницкой в спектакле участвуют Татьяна Догилева, Ольга Аросева, Татьяна Кравченко.

Итак, Валентин Юльевич Никулин, живой и – тыфу-тыфу – здоровый, снова в Москве.

– Я ведь уезжал, в отличие от Миши Козакова, Лёни Каневского, Гриши Лямпе покойного, – как бы в чистом виде. Тогда это называлось “отказ от гражданства”. Его буквально вырывали из глотки. Именно поэтому в соответствии с процедурой была продана за 5 тысяч моя замечательная квартира на Павелецкой. Смешно! Никулин продал свою квартиру, потому что по воле тогдашнего режима превращался в ноль. Ну, представьте себе: Джек Николсон продает свой дом на Беверли Хиллз, потому что у него съемки в другой стране... Четыре-пять паспортов – во всем мире это нормально.

Но теперь и я не только гражданин Израиля. Я опять гражданин России. И даже мог бы купить себе в Москве квартиру, был бы “покруче”. Но... Не крутой, к сожалению. И не стану им.

Я приехал в Израиль перед началом войны в Персидском заливе. Очень странно выглядела эта война. По ночам летали “скады”, а жизнь продолжалась абсолютно естественно. В магазинах не исчезли ни хлеб, ни спички... В конце войны я начал мотаться из Иерусалима в Тель-Авив на репетиции. А дальше случилось самое главное – мне сделали очень серьезную операцию – заменили рогатку аорты. Такая операция когда-то обошлась Булату Окуджаве в 60 тысяч долларов, и их собирали для него по всей стране. После операции у меня появился цвет лица, сразу заходили ноги. Я благодарен судьбе как минимум уже за это. Здесь, в Москве, в то время все могло бы закончиться для меня очень печально.

– Почему вы ни разу за пять лет не приехали в Москву? Не могли или не хотели?

– Сложно объяснить. Пропущен был срок. Я бы не сказал, что я трусил. Просто мне не хотелось приезжать с пустыми руками: “Здравствуйте, дорогие! Ну, как вы тут?” Хотелось приехать с работой. И эта возможность появилась, когда возникла “Антреприза” Михаила Козакова.

– Вы только что из Питера. Как вас там приняли?

– Очень хорошо. Очень. Директор Театра Комиссаржевской Юрий Шварцкопф не стал “задирать” цены, и нас смогла увидеть доведенная до полного отчаяния, до состояния нищенства настоящая интеллигенция. И мы это чувствовали со сцены.

Год назад я уже был в Питере. Для меня тот приезд был первым

пальпированием России. Тогда проходили “Петербургские сезоны”. Нас вытащили на вощеный паркет Екатерининского дворца в Царском Селе, и я кое-что почитал для всех этих князей, графов, баронов, а про себя думал: ничего, ладно, задирать носы, я тоже внук графини Соколовой.

Питер я, конечно, люблю. Но как я волновался перед своей Москвой! Передержано время. И дело даже не в количестве лет, а в том, что это были за пять лет. Именно тогда в России все встало с ног на голову.

– Вы не жалели о том, что вас здесь не было в то время?

– Нет, почему? Когда я увидел в августе 91-го одного из моих коллег на танке, то подумал: может, я и не оказался бы на танке, но... Отзвук был мгновенный.

– Теперь-то вы не будете бояться сюда приезжать?

– Думаю, что нет. Хотя ощущения у меня неровные. Иногда кажется, что не уезжал. А иногда – ларьки, ларьки, народ, народ... И я чувствую себя чужим.

– А в Израиле? Вы нужны этой стране?

– Израиль – это не театральная страна. И уж, конечно, не кинематографическая! История слишком короткая. Нет школы как определенной системы Духа. Разве можно даже упоминать рядом Россию? Смешно.

Конечно, не может там быть такой творческой жизни, как в Москве. Потому что здесь было всякое – и театр, и кино, и встречи со зрителями, и телевидение...

Я должен сказать, что в любой эмиграции люди нормальных профессий – медики, бухгалтеры – постепенно могут войти в свою среду. Но только не поэты, не писатели, не актеры! Потому что это же не просто язык, это мироздание.

– А с ивритом вы справились?

– Я одолел его благодаря, как мне говорят, моей двухсотпроцентной музыкальности. Но на этом языке я не могу выразить себя.

– Как вы устроились в Израиле? У вас, наверное, свой дом?

– Нет, какой дом, Боже мой! Нормальная съемная квартира в хорошем районе – это очень важно, учитывая мою профессию.

– Как вы думаете, почему вас хорошо принимают в России? Может, потому, что вы стали “заморской штучкой”?

– Я тоже всегда делаю скидку на то, что в этом есть некий шарм. Но мне кажется, что на этот “шармик” реагируют процентов десять. А девяносто процентов, я надеюсь, видят в нас все-таки по-прежнему российских актеров. Наши режиссеры – в России, наши партнеры – в России. И весь наш зритель – здесь.

– Такое ощущение, что вы не уезжали из России, что в вашей жизни ничего не изменилось. Даже кажется, что вы ТУДА на гастроли ездите...

– Спасибо огромное. Это большой комплимент. Но я бы называл это иначе: это не значит, что у меня в жизни ничего не изменилось – просто я не изменился. Мне все говорят: “Валька, ты не меняешься!” Значит, есть какой-то стерженечек. Значит, я смог сохранить себя.